

УДК 808.1:1

ПРИЕМЫ СОЗДАНИЯ КОНЦЕПТА «ДРУГИЕ» В ФИЛОСОФСКОЙ ПУБЛИЦИСТИКЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

В. Ю. Меринов*Белгородский
государственный
университет**e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

Ф.М. Достоевский трактует культурную ситуацию начала 60-х гг. XIX в. как угрозу несуществования нации. Отстаивание права на свой, национальный способ жизни, рассматривается в его публицистике на фоне моделирования двух противостоящих концептов «свои» (мир своих – русских) и «другие» (мир чужих – европейцев).

Ключевые слова: Достоевский, публицистика, философия, очерк, заметки, концепт, другой, Европа.

Ускоренная модернизация российского общества во второй половине XIX века, динамизация, текучесть жизни создали у многих современников ощущение стремительной нравственной деградации общества, породили страх неизвестности перед будущим, опасение возможной утраты национальной идентичности. Специфичность культурной ситуации сказывалась и в том, что русский человек той эпохи все еще чувствовал себя как бы на историческом перепутье. Тогда многими отечественными мыслителями европейский путь ощущался как пройденный, когда «дальше идти нельзя, да и некуда: нет дороги, она вся пройдена...» [Достоевский 1983 б: 74], считалось, что «... цивилизация (европейская – М.В.) уже прошла у нас весь свой круг...» [Достоевский 1983 б: 90]. Казалось вполне достижимым, пока не еще поздно, исправить свои, не повторять чужие исторические и политические ошибки и смело «...двинуться в новую, широкую, еще не ведомую в истории деятельность...» [Достоевский 1983 б: 98].

Казалось, само время подталкивало интеллектуалов выстраивать принципиально новые модели общества. Этим моделям предстояло стать достойным ответом вызову европейской буржуазной цивилизации и, возможно, примером для подражания другим народам. «Не вражда сословий, победителей и побежденных, как везде в Европе, должна лечь в основание развития будущих начал нашей жизни», писал Ф.М. Достоевский в 1860 году [Достоевский 1983 б: 74]. Мессианская по своим целям задача требовала глубокого философского осмысления и обобщения культурного и политического опыта национальной культуры. Действительно, середина-вторая половина XIX века была отмечена обостренным вниманием отечественных интеллектуалов (философов, писателей, публицистов) к широкому кругу философско-культурологических понятий, охватывающих мир «своих», таких как Россия, русская история, русский народ, народность, почва, соборность, русский мир, русская церковь, православие и других близких к ним. Ф.М. Достоевский не только не остался в стороне, но со второй половины века фактически стал во главе поисков новой, как тогда казалось, адекватной, в целом отражающей реальность модели национальной идентичности, взамен устаревших – западнической и славянофильской. Как справедливо заметил Г. Фридлиндер, «... главной темой его размышлений была Россия...», которую писатель «стремился понять в широком контексте исторического развития Европы и всего человечества...» [Фридлиндер 1983: 6]. Ф.М. Достоевскому принадлежит большая заслуга в разработке фундаментальных категорий русской национальной мифологии.

Свои идеи великий писатель высказывал и на страницах романов и повестей, и в публицистике. Публицистика Ф.М. Достоевского – важнейшая часть творческого наследия беллетриста. Ей в полной мере присущи черты своего времени, времени переломного для России, поры масштабных перемен в обществе и сознании людей. К числу публицистических, злободневных, ставящих на первый план вопросы националь-

ного и общественного развития, можно отнести не только общепризнанные таковыми «Дневник писателя», «Зимние заметки о летних впечатлениях» и др., но и литературно-критические статьи. Единство и устойчивость идей, мотивов, образов и приемов их построения позволяет относиться и к публицистике и литературной критике Ф.М. Достоевского как к единому тексту. Так, в начале 1860-х гг., в ряде статей («Объявление о подписке на журнал «Время» на 1961 год», «Ряд статей о русской литературе», «Два лагеря теоретиков» и «Зимние заметки о летних впечатлениях») Ф.М. Достоевский теоретически обосновывает новое направление в общественной мысли – почвенничество. С этого времени все свои творческие силы писатель бросает на формирование концепта «мы» в русской интеллигентской культуре.

Между тем, процесс конструирования концепта «мы» неизбежно вел и к уточнению концепта «они» («другие»), важного и даже необходимого понятия для моделирования социокультурных взаимоотношений в мире «своих» [См. Поршневу 1974]. «Они», «другие», непохожие на «нас» являются естественным зеркалом, всматриваясь в которое, выстраивались очертания существующей и будущей культурной конфигурации. Мир «других» в сознании русской интеллектуальной элиты и, в том числе, Ф.М. Достоевского стал неотделим от понятий Европейская цивилизация, европеец. Под пристальным вниманием, как правило, оказывались лидеры, культуuroобразующие, культуuroгенерирующие европейские нации: немцы, французы, англичане.

Исследованию «других» и были преимущественно посвящены публицистический цикл «Ряд статей о русской литературе» (1861) и сборник очерков «Зимние заметки о летних впечатлениях» (1962-1963). Такой проницательный исследователь творчества Ф.М. Достоевского как Г.М. Фридендер определил, возможно, важнейшую для понимания своеобразия публицистики писателя особенность, она состоит в том, что «...мысль писателя развивается не столько по законам отвлеченной логики, сколько по законам искусства» [Фридендер 1983: 23]. Кроме того, он подчеркивал и «редкую» «философскую масштабность образов и идей...» писателя [Фридендер 1983: 6]. Эти положения трудно оспорить. Однако, тот же исследователь отмечал и «острую противоречивость», и «недостаточную глубину аналитического проникновения» Достоевского-публициста [Фридендер 1983: 6]. В определенной степени, двойственность оценок можно объяснить идеологическими расхождениями. По этой причине все то, что совпадало с политическими предпочтениями ученого, например, критика буржуазного образа жизни, потрясало «огромной исторической прозорливостью» [Фридендер 1983: 19], а то, что не совпадало, например, надежда на мирное разрешение социальных конфликтов в России, – автоматически подпадало под определение «реакционных иллюзий» [Фридендер 1983: 15]. Тем не менее, вопрос: достаточны ли широко используемые автором методы личного наблюдения, литературных ассоциаций, художественно-публицистической социальной и сатирической типизации, для глубокого философско-аналитического взгляда на исследуемые проблемы, по нашему мнению, остается открытым.

Начнем с уточнения жанровых приоритетов автора. Так, «Заметки...» представляют собой сложное жанровое единство, в котором объединились путевой, проблемный, нравоописательный и философский очерк, элементы фельетона и памфлета. Очевидно, что в данном жанровом сплаве типологические черты путевого очерка отошли на второй план. Вряд ли автор ставил перед собой задачу скрупулезного, детального отображения европейской жизни, создания полнокровного портретного ряда. Иной угол зрения, масштаб осмысления, иные жанровые возможности оказались заключены в самом контрастном названии произведения. Автором подчеркивалась временная и пространственная дистанция между увиденным и описанным, момент осознанного, отнюдь не спонтанного выбора интеллектуальной реакции. Таким образом, задача – анализ европейской культуры, ее перспектив, выдвинула на первый план жанровые черты нравоописательного, проблемного, философского, а, если точнее, историософского или культуuroлогического очерка.

Очерк как художественно-публицистический жанр включает в себя методологию эмоционально-образного, субъективно-личностного постижения действительности. Кроме того, здесь важное значение имеет логико-рациональной сфера, доказательная база. В отличие от художественного произведения, основанного на вымысле и имеющего собственную имманентную тексту логику, публицистика, прежде всего, должна опираться на объективный факт, на самую действительность. И если автор претендует на философскую глубину выводов и широту обобщений, значит к нему, на наш взгляд, должны предъявляться и соответствующие требования, главное среди которых – высокая культура мышления, высокая культура анализа действительности. Она включает в себя строгость, дисциплинированность и последовательность мысли, корректность сравнений и методов сборов информации, точность наблюдений и типизации, обоснованность, верифицируемость. Может быть главным среди требований является определенная осторожность, аккуратность выводов, так как автор имеет дело с весьма болезненной и неисчерпаемой темой – культурой. Автор, по крайней мере, должен стараться относиться к изучаемому объекту, как к самоценному феномену, стремиться создавать ситуацию диалога с «другими», ибо только в «открытом», «диалогическом» общении, для которого характерно «взаимное посвящение партнеров в действительные мотивы их деятельности» [Хараш 1981: 30] раскрываются внутренние глубинные смыслы культуры. В оценочных суждениях автор, на наш взгляд, должен быть максимально корректным, брать в расчет становящийся (незаконченный) характер всякой национальной культуры и большой цивилизации, при оценке сложнейших культурных феноменов учитывать неполноту единственной точки зрения.

Казалось, автор «Заметок...» понимает степень трудности, стоящей перед ним задачи. На первых же страницах текста он открыто заявляет о своей некомпетентности, неопытности и неосведомленности: «... мне то особенно нечего рассказывать, а уж тем более, в порядке записывать, потому что я сам ничего не видал, а сели что и видел, так не успел разглядеть... я, больной человек, страдающий печенюю, двое суток скакал по чутунке ... не выспавшись, желтый, усталый, изломанный... почувствовал, что говорю вздор... и я не могу доставить вам самых точных сведений... может быть, очень многое, что я вам напишу теперь, будет с ошибками... праздные мысли... от скуки, от нечего делать... в моих обстоятельствах невозможно не лгать... пагубная ошибка моя... я убедился, что мое суждение... похоже на самую черную клевету. Язык мой был желтый, злокачественный... виноват перед Берлином... и перед немками провинился... Я поневоле иногда должен говорить неправду...» [Достоевский 1983 а: 146-153]. Даже целая глава названа автором «лишней»: «Глава III и совершенно лишняя». Нетрудно заметить, что столь настойчивое, частое, демонстративное упоминание собственных недостатков носит откровенно иронический характер и имеет абсолютно противоположную цель – утвердить собственную точку зрения как единственно правильную. Ф.М. Достоевский использует прием, известный со времен средневековой литературы, прием авторского самоуничижения. Тогда писатель снабжал свое имя такими оценочными эпитетами, как «худой», «недостойный», «многогрешный». Несмотря на это, как и в средневековой литературе, так и в данном тексте устанавливается монополярная власть авторского понимания рассматриваемой проблемы. Усиление позиции автора связано также и с адресатом сообщения – это круг знакомых писателя, то есть «своих». Отсюда форма обращения «друзья мои», несколько фамильярная, но доверительная интонация и непринужденная манера разговора. Этот стандартный жанровый прием обеспечил автору достижение нескольких целей.

Во-первых, он продолжает линию на показное самоуничижение автора, представляя наблюдателя как наивного, простодушного, «простого» и именно поэтому, открытого человека, отстаивающего свое право на оценку с позиции здравого смысла, право на «собственные, но искренние наблюдения» [Достоевский 1983 а: 150].

Во-вторых, товарищеские неформальные отношения позиционируют точку зрения автора как безусловно нравственную, ведь нельзя же, в самом деле, лгать «своим».

Следующий риторический прием, используемый Достоевским, – прием обманутого ожидания. Он состоит из нескольких эмоциональных планов. Первый: преувеличенное сверхэкспансивное, нарочито восторженное ожидание от Европы «святых чудес»: «За границей я не был ни разу, рвался я туда чуть не с самого первого детства, еще тогда, когда в долгие зимние вечера, за неумением грамоте, слушал, разиня рот и, замирая от восторга и ужаса, как родители читали на сон грядущий романы Радклиф... Господи, сколько я ожидал себе от этого путешествия!... земля обетованная... желая получить новое, чудное, сильное впечатление... признаюсь, я много ожидал от собора; я с благоговением чертил его еще в юности, когда учился архитектуре» [Достоевский 1983 а: 146-148]. Прием может повторяться по ходу развития сюжета: «немедленно усекакал в Париж, надеясь, что французы будут гораздо милее и занимательнее» [Достоевский 1983 а: 149]. Внутри эмоции ожидания разворачивается бескомпромиссное требование «святости», требование подтверждения раннее внедренных в сознание (детское – юношеское – взрослое) представлений, «верований».

Несовпадение с идеальными представлениями порождает второй эмоциональный план – составляющий, собственно, основной пафос произведения: сильнейшее разочарование и следующие за ним «справедливая» обида и даже «праведный» гнев за разрушенные иллюзии, за соблазнение «малых сих». Скоро становится понятно, что ключевая цель очерков отнюдь не попытка объективно (философически) разобраться в другой культуре, а разоблачение и месть людям, входящим в категорию «другие». Так в восприятии читателя готовится и оправдывается семантический сдвиг от эмоционально нейтрального концепта «другие» (непохожие) к негативно окрашенным «чужим» (чуждые). При этом поиск «чужих» происходит по двум направлениям. Первое, отечественная интеллигентская культура, в которой разоблачаются почитатели и пропагандисты европеизма, носители ложной прельщающей (европоцентричной) картины мира (родители автора, Чаадаев, Белинский и его кружок, другие либералы.). Во втором случае ярость автора направлена на сам источник «чужести», источник вселенской лжи – Западную Европу.

Таким образом, читатель оказывается подготовленным к авторскому изображению мира, которое подчинено логике непримиримого конфликта цивилизаций. Автор не просто конструирует биполярный мир, его дуализм носит манихейский, гностический характер. Между «своими» и «другими» («чужими») непреодолимая пропасть. Хотелось бы отметить, что в художественном мире писателя связка «свой»-«чужой» имеет по крайней мере еще одну перспективу, она отражается в духовно-эмоциональную сферу отдельной личности и предстает как борьба двух противоположных начал в человеческой природе («сердце»): Добра и Зла.

Под ситуацию встречи с «другим» заложена имплицитная схема. В основе этой схемы – глобальная реакция на западную культуру в целом. Поэтому пространство конфликта разворачивается во всех возможных сферах (на всех уровнях восприятия):

А) природно-климатической – неприятные погодные условия – дождь;

Б) хронологической – время остановившееся, вечная современность, время воровское, темное – вечер – ночь, место – эпицентры лжи – Лондон (урбанистический, бесчеловечный, давящий, – рабочий квартал – грязный, аморальный, преступный – царство «Ваала»; Париж – комфортабельный, воплощение сатанинского соблазна;

В) экзистенциальной – пустая буржуазная личность.

Г) социальной – буржуазия как победивший класс, самодовольный и ограниченный, аморальная буржуазная семья, лицемерная западная церковь и т.д.;

Д) национальной – типичные представители развращенной нации;

Е) культурно-цивилизационной – Западный мир как мир вселенского Зла, мир Хаоса, царство Лжи.

При каждой новой встрече с «другим» автор действует по единому алгоритму: внешняя ситуация – определение ситуации как конфликтной (авторский монолог-разоблачение). Всякий раз работает в общем-то простейший и даже в чем-то наивный

когнитивный сценарий: «мы» (я) (хорошие) – «они» (он) (плохие), у «нас» и у «них» несовместимые позиции, противоположные жизненные цели и видение мира. При этом наблюдатель подает себя как сторону, подвергнувшуюся агрессии, а свои действия трактует как защитную реакцию на бесцеремонное давление.

Рассмотрим подробнее, из каких элементов состоит концепт «другие», сконструированный в социально-экзистенциальной перспективе. Возьмем несколько наиболее показательных параметров: внешний вид, поведение и слово наблюдаемого. Внешний вид зачастую отталкивающий. При его описании широко используется прием детализации, заостренности внимания на «говорящей детали»: «Слева сидел чистый, кровный англичанин, рыжий, с английским пробором на голове...» [Достоевский 1983 а: 150]. Часто это суровый, неприступный, не располагающий к коммуникации человек. Так, англичанин – скрытный, себе на уме, неоткровенный, молчаливый: «и усиленно серьезный. Он во всю дорогу не сказал ни с кем из нас ни одного самого маленького словечка, ни на каком языке, днем читал, не отрываясь, какую-то книжку той мельчайшей английской печати, которую только могут переносить англичане да еще похваливать за удобство...» [Достоевский 1983 а: 150]. В образе акцентируются (преобладают) и преувеличиваются отрицательные черты: педантизм, схематизм действий: «...как только стало десять часов вечера, немедленно снял свои сапоги и надел туфли» [Достоевский 1983 а: 150]. В целом, герой подается как существо внутренне ограниченное, машиноподобное. Мрачный характер не оставляет англичан даже «...и среди веселья: они и танцуют серьезно, даже угрюмо, чуть не выделывая па и как будто по обязанности» [Достоевский 1983 а: 155].

Кажется, автор много внимания уделяет внутреннему миру своего собеседника, его мыслям и чувствам. На чем же основаны выводы наблюдателя, какие способы исследования действительности применяет он для своих умозаключений? Из текста становится очевидным, что главным методом, используемым автором, является не беседа, не разговор «по душам», а интроспективная реконструкция. Автор без тени сомнения вкладывает в уста незнакомого человека собственную мысль-чувство, содержание которой основано исключительно на внешнем восприятии, мимолетной встрече в вагоне поезда, на улице («мне показалось», «подумал я», «его глаза чуть не проговаривали», «кажется» и т.д.): «Я не знаю, но мне показалось, что немец куражится... Мост, конечно, превосходный, и город справедливо гордится им, мне показалось, что уж слишком гордится... По крайней мере, его глаза чуть не проговаривали» [Достоевский 1983 а: 149]. Случайно встреченный за рубежом русский воспринимается как «другой» – конформист, предатель «кажется совершенно потерявший понятие тоски по родине» [Достоевский 1983 а: 154]. Реконструированный таким образом псевдиалог или внутренний монолог «другого» носят откровенно агрессивный, пренебрежительный характер, к тому же зачастую имеют антирусскую направленность: «Ты видишь наш мост, жалкий русский, – ну так ты червь» [Достоевский 1983 а: 149]. Слово «другого» провокационное, лживое, наивно саморазоблачительное. Автор уверен в его готовности применить даже физическое насилие в отношении несогласных: «...прибьет даже вас, если вы усомнитесь в том, что так и следует быть, прибьет, потому что до сих пор все что-то побанваается, несмотря на свою самоуверенность» [Достоевский 1983 а: 174].

Важной чертой публицистики Ф.М. Достоевского является широкое использование приема социальной и национальной типизации. На чем же основывается эта «смелость» и «глубина» обобщений? Все на том же внешнем, беглом восприятии. Среди наблюдаемых социальных групп особой нелюбовью Ф.М. Достоевского пользуются англиканские священники и епископы, которые, как утверждает автор, все как один: «...горды и богаты, живут в богатых приходах и жиреют в совершенном спокойствии совести. Они большие педанты, очень образованы и сами важно и серьезно верят в свое тупонравственное достоинство, в свое право читать спокойную и самоуверенную мораль, жиреть и жить тут для богатых. Это религия богатых и уж без маски... У этих убежденных до отупения профессоров религии есть одна своего рода забава: это

миссионерство. Исходят всю землю, зайдут в глубь Африки, чтоб обратить одного дикого, и забывают миллион диких в Лондоне за то, что у тех нечем платить им». [Достоевский 1983 а: 179]. Досталось и английским поэтам, которые: «... испокон веку любят воспевать красоту пасторских жилищ в провинции, осененных столетними дубами и вязами, их добродетельных жен и идеально прекрасных, белокурых дочерей с голубыми глазами». [Достоевский 1983 а: 179]. Не обошел вниманием автор и богатых англичан «...все тамошние золотые тельцы чрезвычайно религиозны, мрачно, угрюмо и своеобразно» [Достоевский 1983 а: 180].

Французский военный для Ф.М. Достоевского – средоточие гордыни и тупого самодовольства: «Теперь неизъяснимое благородство чаще всего изображается или в военном офицере, или в военном инженере, или что-нибудь в этом роде, только чаще всего в военном и непременно с ленточкой Почетного легиона, «купленной своею кровью».... У него всего дороже на свете его крест, купленный кровью... Кстати, эта ленточка ужасна. Носитель до того ею чванится, что с ним нельзя почти встретиться, нельзя с ним ни ехать в вагоне, ни сидеть в театре, ни встречаться в ресторане. Он только что не плюет на вас, он куражится над вами бесстыдно, он пыхтит, задыхается от куражу, так что вас, наконец, начинает тошнить, у вас разливается желчь, и вы принуждены послать за доктором. Но французы это очень любят» [Достоевский 1983 а: 181].

Французский буржуа всегда: «...ужасно чего-то трусит...» [Достоевский 1983 а: 182]. Профессиональная деятельность рядового буржуа (т.е. горожанина), часто самоотверженный труд, усилия по организации производства, своего дела, особая буржуазная (протестантская) этика, основанная на самоограничении, не берутся автором в расчет. Буржуа приписываются исключительно эгоистические и антисоциальные мотивы. Так, «...буржуа, например, в Париже, сознательно почти очень доволен и уверен...»...[Достоевский 1983 а: 174]. А типичный парижанин «...ужасно любит торговать, но, кажется, и торгуя и облупливая вас, как липку, в своем магазине, он облупливает не просто для барышей, как бывало прежде, а из добродетели, из какой-то священной необходимости. Накопить fortuna и иметь как можно больше вещей – это обратилось в самый главный кодекс нравственности, в катехизм парижанина. Это и прежде было, но теперь, теперь это имеет какой-то, так сказать, священнейший вид». [Достоевский 1983 а: 175].

Обращает на себя внимание выбор типичных ситуаций, взятых для глубоких философских обобщений. Наблюдателю представляется достаточными случаи, когда исследуемый объект социальной типизации рассматривается исключительно в такой специфической сфере как развлечение. Причем пространство беззаботного времяпрепровождения «другого» распространяется в сознании наблюдателя практически на всю культуру. Это происходит, в том числе, и за счет традиционно «серьезных» областей человеческой деятельности. В развлекательное пространство равно входят отдых на природе и посещение театра, выставки, семейные отношения и политика. Везде и всюду англичанин и француз сохраняют свою социо-культурную аутентичность, как ее понимает Ф.М. Достоевский. Понимание поведения «другого» основано на все том же приеме интроспективной реконструкции. Так, английских туристов и туристок, к примеру, отличает «...самодовольное и совершенно машинальное любопытство смотрящих более в свой гид, чем на редкости, ничего не ожидающих, ни нового, ни удивительного...» [Достоевский 1983 а: 153]. Все они только тем и заняты, что проверяют «... так ли в гиде означено и сколько именно футов или фунтов в предмете?» [Достоевский 1983 а: 153].

Всего несколько «потребностей», полагает автор, охватывает культурно-досуговую сферу интересов всех парижских буржуа. Наипервейшая потребность парижанина – убежден Ф.М. Достоевский – «видеть море». «Для чего ему видеть море?» задается вопросом автор и сам же на него отвечает: «...он и сам не знает, но он желает усиленно, чувствительно, откладывает поездку с году на год, потому что обыкновенно задерживают дела, тоскует, и жена искренно разделяет тоску его. ... Наконец ему удается улучшить время и средства; он собирается и на несколько дней едет «видеть море».

Возвратясь, он рассказывает напыщенно и с восторгом о своих впечатлениях жене, родне, приятелям и сладко вспоминает всю жизнь о том, что он видел море» [Достоевский 1983 а: 192].

«Другая законная и не менее сильная потребность буржуа, и особенно парижского буржуа...», – это выезд на отдых за город. «Дело в том, что парижанин, выехав за город, чрезвычайно любит и даже за долг почитает поваляться в траве, исполняет это даже с достоинством, чувствуя, что соединяется при этом *avec la nature*, и особенно любит, если на него кто-нибудь в это время смотрит. Вообще парижанин за городом считает немедленную свою обязанностью стать тотчас же развязнее, игривее, даже молодцеватее, одним словом, смотреть более естественным, более близким к *la nature* человеком» [Достоевский 1983 а: 192].

И индивидуальный, и социальный портреты являют собой сколки обобщенного, национального образа, типичного англичанина, немца, француза. Праздность и банальный разврат становятся не только сущностью парижанина, а ни больше, ни меньше, основой современной Ф.М. Достоевскому культуры Франции. Хотя иной раз кажется, что строгий исследователь нравов Запада отступает от своих принципов и подмечает привлекательные черты: «Все французы имеют удивительно благородный вид... такая внушительная осанка, что на вас даже нападает недоумение... Потребность добродетели в Париже неугасима. Теперь француз серьезен, солиден и даже часто умиляется сердцем...» [Достоевский 1983 а: 182.]. Однако совсем скоро читателю становится понятно, что это лишь ширма. За ней, по мнению автора, скрывается эмоционально-интеллектуальная пустота «подлого французика», «...который за четвертак продаст вам родного отца, да еще сам, без спросу, прибавит вам что-нибудь в придачу, в то же время, даже в ту самую минуту, как он вам продает своего отца...» [Достоевский 1983 а: 183].

Важным приемом создания концепта «другой», является использование литературных ассоциаций, цитат. Обращает на себя внимание невероятно большое количество цитируемого литературного текста, им заполнены целые страницы произведения. Автор настойчиво воспроизводит отрывки из сатирических произведений А.С. Грибоедова, Д.И. Фонвизина, Н.А. Некрасова, Н.В. Гоголя. Цитаты и целые литературные сюжеты образуют весьма комфортабельную для литературоцентричного сознания русской интеллигенции XIX века семантическую сетку, организующую облегченное читательское восприятие, быструю и нужную реакцию на «своего» и «другого». Так автор пишет о бывших наших перебежавших во враждебный лагерь. «Другие» – сбежавшие на Запад «Чацкие», стоящие там «с тупым ожиданием» чего-то у Сикстинской мадонны [Достоевский 1983 а: 167], это целое «поколение Чацких». Зато оставшиеся «наши» – это добрые патриархальные гвоздиловы, бригадирши, скалозубы, фамусовы.

Осмысливая типичные семейные отношения, автор делает категорическое заключение о моральной нечистоплотности и двуличии французской буржуазии. На каком основании? Для анализа семьи, такой сложной многоуровневая системы человеческих взаимоотношений, обусловленной социальными, культурными традициями, Ф.М. Достоевский использует плоские ролевые эмблемы, более подходящие под жанровое определение – анекдот, – муж (ироническое прозвище «бри-бри») – жена («мабишь») – любовник (приказчик Гюстав). Живые люди, по мнению писателя, ведут себя в полном соответствии с героями пошлого романа Поль де Кока «Муж, жена и любовник». По законам жанра им отказано в сложности, противоречивости и динамике внутренней жизни. Их образ овнешнен, поведение театрально, лживо: «Мабишь мадерна, выломана, вся неестественна... Лицо подвижно игриво и обладает тайною подделки под чувства, под натуру в высшей степени... Для парижанина большею частью все равно, что настоящая любовь, что хорошая подделка под любовь...» [Достоевский 1983 а: 203]. Их эмоциональный мир предельно редуцирован «умишки и сердешки и них птичьи...» [Достоевский 1983 а: 203].

Безусловно, метод литературной сатирической типизации, когда в персонаже карикатурно выпячивается и высмеивается какая-нибудь одна или несколько психологических или социальных черт, вполне приемлем для сатирических жанров художественной литературы, политической публицистики (фельетона, памфлета). Однако, уместно ли его столь широкое применение в текстах, претендующих на многостороннее рассмотрение основ иной культуры и человека этой культуры, к каковым исследователи единодушно относят «Зимние впечатления...» и другую публицистику Ф.М. Достоевского? Использование данного приема, как правило, чревато поверхностностью выводов, умалением человеческого в человеке, сведением всей его сложности к простой и понятной цитате, единственной черте. Так живая жизнь подменяется готовыми, удобными литературными образами, узнаваемой, яркой, но плоской сатирической маской.

Такой же упрощающий подход использует автор и для более обобщенных выводов. Линия индивидуальное (отдельный англичанин, француз) – социальное (типичный парижанин, священник, буржуа и т.д.) – национальное (типичный англичанин, француз, немец), вполне закономерно заканчивается выходом на цивилизационный уровень – Западный мир. Последний, по мнению публициста, имеет два лица, мнимое: «Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка... Да, выставка поразительна...», и подлинное – хищническое, это мир геенны огненной, сатанинской преисподни. Здесь «... отравленная Темза... воздух, пропитанный каменным углем ... страшные углы города, с ... полуголым, диким и голодным населением» [Достоевский 1983 а: 175]. Это мир исключительно внешнего «стадного» единства, основанного только на репрессии, на давлении «страшной силы», которая «...соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, в едино стадо... не это ли уж и в самом деле, «едино стадо» [Достоевский 1983 а: 175].

Запад – это мир победившего Хаоса, мир вселенского раздора и нелюбви к ближнему своему: «Западный человек толкует о братстве как о великой движущей силе человечества и не догадывается, что негде взять братства, коли его нет в действительности... Эти миллионы людей, оставленные и прогнанные с пиру людского, толкаясь и давя друг друга в подземной тьме, в которую они брошены своими старшими братьями, ошущью стучатся хоть в какие-нибудь ворота и ищут выхода, чтоб не задохнуться в темном подвале. Тут последняя, отчаянная попытка сбиться в свою кучу, в свою массу и отделиться от всего, хотя бы даже от образа человеческого, только бы быть по-своему, только бы не быть вместе с нами...» [Достоевский 1983 а: 175].

Дух раздора и соперничества исходит западным человеком и за собственные национальные пределы: «...англичанин до сих пор не может понять никакой разумности во французе, и, обратно, француз в англичанине, и это не только у них сборное мнение, инстинктивное чувство всей нации, но замечается даже в первых людях, в предводителях обеих наций. Англичанин смеется над своим соседом при всяком случае и с непримиримой ненавистью смотрит на национальные его особенности. Соперничество лишает их, наконец, беспристрастия. Они перестают понимать друг друга; они раздельно смотрят на жизнь, раздельно веруют и поставляют это себе за величайшую честь. Они всё упорнее и упорнее отделяются друг от друга своими правилами, нравственностью, взглядом на весь божий мир» [Достоевский 1983 а: 180].

В целом моделируется картина древнего дохристианского мира: «Это какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, какое-то пророчество из Апокалипсиса, воочию совершающееся. Вы чувствуете, что много надо вековечного духовного отпора и отрицания, чтоб не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и не обоготворить Ваала, то есть не принять существующего за свой идеал...» [Достоевский 1983 а: 175].

Таким образом, у «других» напрочь отсутствуют такие естественные для всего остального, неевропейского человечества чувства и эмоциональные состояния как печаль, вина, растерянность, стыд, негодование, гнев. Их жизнь бездумна, поведение

стандартное, нетворческое, надежды пошлы «И какое ко всему равнодушие, какие мимолетные, пустые интересы» [Достоевский 1983 а: 193]. Перед читателем возникает человек без переживаний – сытый, самодовольный, неглубокий. Он нравственно глух. «Другому» свойственны лишь «усталость, досада, грубые инстинкты, бесцельность существования, цинический разговор» [Достоевский 1983 а: 203]. Итог – очевидная возможность создания каннибалистской цивилизации. «...упорная, глухая, застарелая борьба, борьба на смерть всеобщезападного личного начала с необходимостью как-нибудь ужиться вместе...не поедая друг друга – не то обращение в антропофаги [Достоевский 1983 а: 174].

Цивилизационный образ «другого» лишен не только психологической и нравственной глубин, но и исторической и культурной перспектив. При взгляде в будущее «других» охватывает «отчаяние», великое религиозное прошлое забыто. В Лондоне «замечается то же, что и в Париже: такое же отчаянное стремление остановиться на status quo, вырвать с мясом из себя все желания и надежды, проклясть свое будущее, в которое не хватает веры, может быть, у самих предводителей прогресса, и поклониться Ваалу» [Достоевский 1983 а: 174].

Мир Запада лишен развития: «этот кажущийся беспорядок, который, в сущности, есть буржуазный порядок в высочайшей степени ...Не придется ли принять это, и в самом деле, за полную правду и занеметь окончательно? ... Вы смотрите на эти сотни тысяч, на эти миллионы людей, покорно текущих сюда со всего земного шара, – людей, пришедших с одной мыслью, тихо, упорно и молча толпящихся в этом колоссальном дворце, и вы чувствуете, что тут что-то окончательное совершилось, совершилось и закончилось... вы чувствуете, что тут что-то уже достигнуто, что тут победа, торжество. ... Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? – думаете вы; – не конец ли тут?» [Достоевский 1983 а: 175].

Порой автор использует прием некорректного сравнения, когда с обеих сторон берутся заведомо несопоставимые фигуры. Так, «других», как правило, представляет Голиаф западного мира – среднестатистический буржуа, пропущенный к тому же через негативное восприятие автора. Чудовищу противостоит «наш» скромный Давид, обычный национальный гений, например, – Пушкин, к коему отношение автора восторженное. Понятно, что в этом случае, одна из сторон заранее обречена на полный провал. Ведь любая культура многообразна, в ней есть элита (политическая, культурная, военная и т.д.), есть срединное звено, а есть социальный и культурный низ. Все-таки более справедливыми, обоснованными представляются нам сравнения по межкультурной горизонтали (верх – верх, середина – середина и т.д.), а не по диагонали (верх – середина, верх – низ).

Зададимся вопросом: может быть, Ф.М. Достоевский специально не задумывался над методами рефлексии чужой культуры? Нет, обдумывал этот вопрос и не раз. Так, в своей работе «Ряд статей о русской литературе» Ф.М. Достоевский обстоятельно рассматривает фигуру «пытливого соседа», т.е. иностранца, путешествующего по России и пишущего путевые заметки. Здесь же он замечает, что «...заезжими виконтами, баронами и преимущественно маркизами ..употреблены ... довольно большие усилия для узнания нас и нашего быта; были собраны материалы, цифры, факты; производились исследования... некоторые из этих книг написаны людьми, бесспорно, замечательно умными ... Есть из них чрезвычайно добрые; такие почти всегда начинают специально учиться по-русски, очень полюбят русский язык и русскую литературу...» [Достоевский 1983 в: 81-83]. Отмечает, что некоторые страницы написаны «...серьезно, дельно, умно, даже остроумно...». Подчеркивает, что «факты верны и новы; глубокий взгляд брошен на иные явления, взгляд оригинальный и меткий именно потому, что иные русские явления удобнее наблюдать не русскому, а со стороны...» [Достоевский 1983 в: 83].

Однако затем Ф.М. Достоевский, вполне справедливо, перечисляет очевидные авторские нелепости, следствия неглубокого знания русской культуры: «Знают, что народ наш довольно смысленный, но не имеет гения; очень красив, живет в деревян-

ных избях, но неспособен к высшему развитию по причине морозов. Знают, что в России есть армия, и даже очень большая; но полагают, что русский солдат — совершенная механика, сделан из дерева, ходит на пружинах, не мыслит и не чувствует и потому довольно стоек в сражениях, но не имеет никакой самостоятельности и во всех отношениях уступает французу... Знают, что в России был император Петр, которого называют Великим, — монарх не без способностей, но полуобразованный и увлекавшийся своими страстями; что женевец Лефорт воспитал его, сделал его из варвара умным... откуда-то взяли, что мы фанатики, то есть что нашего солдата возбуждают фанатизмом... Севастополь русские защищали из религиозного фанатизма... Вы задали себе, что у нас только два сословия: les boyards и les serfs... Кстати уж обратит внимание и на русскую литературу: поговорит о Пушкине и снисходительно заметит, что это был поэт не без дарований, вполне национальный и с успехом подражавший Андрею Шенье и мадам Дезульер; похвалит Ломоносова, с некоторым уважением будет говорить о Державине, заметит, что он был баснописец не без дарованья, подражавший Лафонтену, и с особенным сочувствием скажет несколько слов о Крылове, молодом писателе, похищенном преждевременною смертию (следует биография) и с успехом подражавшем в своих романах Александру Дюма» [Достоевский 1983 в: 81-99].

Великий русский писатель сетует на то, что подобные книги разошлись по Европе в десятках тысяч экземпляров, что с некоторого времени «нелепости» овладели умами западного общества: «... их мнение было высказано не один раз и не кем-нибудь; оно выговаривалось всем Западом, во всех формах и видах, и хладнокровно и с ненавистью, и крикунами и людьми прозорливыми, и подлецами и людьми высокочестными, и в прозе и в стихах, и в романах и в истории, и в premier-Paris* и с ораторских трибун». В итоге автору пришлось констатировать, что «...характер русского, может быть, даже еще слабее обрисован в сознании европейца, чем характер китайца или японца» и что «даже Луна теперь исследована гораздо подробнее, чем Россия [Достоевский 1983 в: 81].

В чем же причины неадекватной оценки такой большой и самобытной культуры как русская? Причина в самих путешественниках, у которых существует изначально необъективный взгляд на предмет исследования. Им мешает поверхностность и верхоглядство, безапелляционность выводов, чувство национального превосходства. «Какое-то больное чувство недоверчивости, — пишет Ф.М. Достоевский, — какая-то боязнь примириться с тем, что он видит резко на себя не похожего, совершенная неспособность догадаться, что русский не может обратиться совершенно в немца и что потому нельзя всего мерить на свой аршин, и, наконец, явное или тайное, но во всяком случае беспредельное высокомерие перед русскими, — вот характеристика почти всякого немецкого человека во взгляде на Россию». [Достоевский 1983 в: 82]. Отсюда авторская ирония, сатирическое изображение российских реалий. При этом сам Ф.М. Достоевский совсем не одобряет прием сатирической типизации столь популярный у авторов «путешествий», если он направлен в сторону русской культуры: «...мы вовсе не шутим, вовсе не преувеличиваем. Между тем мы сами чувствуем, что слова наши как будто отзываются пародией, карикатурой. Правда ведь и то, что нет такого предмета на земле, на который бы нельзя было посмотреть с комической точки зрения. Всё можно осмеять, скажут нам...» [Достоевский 1983 в: 85].

От этой предзаданной стереотипами пристрастности даже «...самое серьезное мнение о нас иностранцев» страдает все теми же недостатками: упрощением и уплощением культуры. Достоевский уверен, что в оценке русской цивилизации, ее перспектив беглого осмотра бескрайних пространств мало. Мало «даже пятнадцать и двадцать лет» жизни в России, если взгляд этот направлен на детали, слишком аналитичен. В итоге, по мнению Ф.М. Достоевского, общие результаты, дающие целостное представление о стране, оказываются слишком тенденциозными. По мнению писателя, для исследования таких сложных систем как культура, необходим не аналитический (придирчивый, дробный, мелочный) или сатирический подходы, а совсем иной

фокус рассмотрения такого феномена как Россия, подход, при анализе частных не-пременно учитывающий глубинное, «коренное» «... без чего никакие познания о России, никакие факты, приобретенные трудом самым добросовестным, не дадут никакого о ней понятия или дадут самое сбивчивое, чтоб не сказать bestолковое...» [Достоевский 1983 в: 81]. Необходимо «... бросить высший взгляд на Россию и усвоить ее главную идею...». К сожалению, авторы остроумных книг попросту не желают «проникнуться идеей», понять «идеалы», «цели и характер стремлений» нации [Достоевский 1983 в: 98]. Да стоит ли в принципе ожидать понимания и объективности в данном вопросе от иностранца, ожидать «... что-нибудь основательное, путное, дельное собственно о русском человеке, что-нибудь синтетически верное...» [Достоевский 1983 в: 81]? Вряд ли, ведь все «...усилия всегда разбивались о какую-то роковую, как будто кем-то и для чего-то предназначенную невозможность» [Достоевский 1983 в: 81]. Ф.М. Достоевский абсолютно уверен «...в полнейшей неспособности почти всякого иностранца, которого обстоятельства заставляют жить в России иногда даже пятнадцать и двадцать лет, хоть сколько-нибудь оглядеться, прижиться в России, понять хоть что-нибудь окончательное, выжить хоть какую-нибудь идею, подходящую к истине» [Достоевский 1983 в: 82]. Что рано или поздно «... наш ученый становится в тупик, обрывается, теряет нитку и заключает такую нелепость, что книга сама вырывается из рук ваших и падает, иногда даже под стол» [Достоевский 1983 в: 82-83].

Напомним, что эти подлинно глубокие мысли были высказаны автором за два года до «Зимних заметок...» в статьях о русской литературе. Остается загадкой, почему эти критерии оказались неприложимы к анализу европейской цивилизации? Более того, из чтения позднейших работ Ф.М. Достоевского создается впечатление, что именно иностранцы послужили великому писателю образцом для подражания.

Подведем некоторые итоги. Итак, мы можем сказать, что Ф.М. Достоевский трактует культурную ситуацию начала 60-х гг. XIX в. как угрозу несуществования нации, поэтому для его публицистики характерны повышенная тревожность, эмоциональность, призыв к консолидации общества перед невиданной опасностью. Отстаивание права на свой, национальный способ существования, рассматривается писателем на фоне моделирования двух противостоящих концептов «свои» (мир своих – русских) и «другие» (мир чужих – европейцев). Модель включала многие аспекты: пространственный, нравственный, интеллектуальный, культурный, повседневный и др. И по всем параметрам миры «своих» и «чужих» не просто не совпадали, а противостояли друг другу.

К сожалению, мы можем констатировать весьма слабые попытки автора по-настоящему глубоко разобраться в чужой культуре, порой отсутствие такта, деликатности, элементарной вежливости. В жанровом плане мы можем сказать, что очерковое начало в «Заметках...» было подавлено началом памфлетно-фельетонным. Живой интерес к разнообразным явлениям чужой культуры оказался подменен пропагандой собственных взглядов, броской фразой (к примеру, «рассудка француз не имеет...»), литературной цитатой. На основании вышеизложенного можно сделать определенный вывод: мы полагаем, что и «Заметки...» и литературные статьи можно считать попыткой (заметим, довольно успешной) заменить одни стереотипы, лояльные, конструктивные, существовавшие в лагере западников, другими, нелояльными и деструктивными.

Список литературы

1. Достоевский Ф.М. Зимние заметки о летних впечатлениях // Достоевский Ф.М. Искания и размышления/Сост. Г.М. Фридлендер. – М., 1983. С. 146-211.
2. Достоевский Ф.М. Объявление о подписке на журнал «Время» на 1861 год // Достоевский Ф.М. Искания и размышления/Сост. Г.М. Фридлендер. – М., 1983. С. 73-80.
3. Достоевский Ф.М. Ряд статей о русской литературе // Достоевский Ф.М. Искания и размышления/Сост. Г.М. Фридлендер. – М., 1983. С. 80-116.

4. Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории (проблемы палеопсихологии). – М., 1974.
5. Фридлиндер Г.М. Сердце его принадлежало России... // Достоевский Ф.М. Искания и размышления / Сост. Г.М. Фридлиндер. – М., 1983. С. 5-43.
6. Хараш А.У. Восприятие человека как воздействие на его поведение (к разработке интерсубъективного подхода в исследованиях познания людьми друг друга) // Психология межличностного познания / Под ред. Бодалева А.А. – М., 1981, С. 25-42.

RECEPTIONS OF THE CONCEPT «OTHERS» IN PHILOSOPHICAL PUBLICISM OF F.M. DOSTOEVSKY

V. J. Merinov

Belgorod State University

*e-mail:
merinov@bsu.edu.ru*

F.M. Dostoevsky treated a cultural situation of the beginning of 1860th as the threat to the existence of the nation. Fighting for the right to thenational way of life is considered by the writer in the context of two resisting concepts of «ours» (the world of Russians) and «others» (the world – Europeans as strangers).

Key words: Dostoevsky, publicism, philosophy, sketch, notes, concept, Other, Europe.